

Иллюзия нейтралитета: европейская политика правительства Виши в июне 1940 — декабре 1941 г.

И.Э. Магадеев

Аннотация. В статье на основе архивных и опубликованных документов по внешней политике Франции рассматривается вопрос об основных целях и факторах, стоявших за европейской дипломатией коллаборационистского режима Виши. Выбранный хронологический период — от поражения Третьей Республики до краха германского блицкрига в СССР и вступления США в войну — характеризовался тенденциями постепенной «глобализации» войны, что сокращало пространство для дипломатического маневра вишистской Франции. Попытки А.Ф. Петена и его окружения, следуя официально политике нейтралитета, поддерживать некое «равновесие» между враждовавшими державами и выполнять посреднические функции, а также надежды вишистского руководства на относительно скорое окончание войны за счет компромиссного мира — все это стало к декабрю 1941 г. анахронизмом. На деле режим Виши все больше зависел от Третьего рейха и усиливал политику коллаборационизма.

Ключевые слова: Франция, режим Виши, Петен, Лаваль, Дарлан, Вторая мировая война, нейтралитет.

Abstract. Basing on the archival and published evidence, this article analyses the key aims and factors, which influenced the European diplomacy of the collaborationist Vichy regime. The chosen chronological frame of the research, i.e. from the French defeat to the failure of the German blitzkrieg in the USSR and the US entry in the WWII, was characterised by the growing “globalisation” of the war. These processes diminished the ability of the Vichy France, which, nevertheless, conserved some attributes of the power, to maneuver at the international arena. The attempts of Henri Philippe Pétain and his entourage, who pretended being neutral in the WWII, to maintain some sort of “balance” between the belligerent states, to transform the Vichy in a mediator, as well as their hopes put on rather early end of the war by the peace of compromise, — by December 1941, all these stratagems became anachronistic. In reality, the Vichy regime depended on the Third Reich more and more heavily and deepened its policy of collaboration.

Key words: France, Vichy regime, Pétain, Laval, Darlan, Second World War, neutrality.

Поражение 1940 г., приведшее к краху режима Третьей Республики, а также к формальному выходу тогдашней Франции из Второй ми-

Магадеев Искандэр Эдуардович — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и политики стран Европы и Америки факультета Международных отношений МГИМО МИД Российской Федерации. E-mail: iskander2017@yandex.ru.

Magadeev Iskander E. — PhD (History), associate professor of the Department of History and Politics of Europe and America, faculty of International Relations, MGIMO-University. E-mail: iskander2017@yandex.ru.

ровой войны, нередко рассматривается как поворотная точка во всей французской истории XX в. ¹ Речь идет не только о том, что страна временно «утратила статус великой державы» ² на международной арене, но и о потенциальном переломе в ее внутренней истории. Коллаборационистское правительство Виши, власть которого распространялась на не оккупированную (до ноября 1942 г.) часть Центральной и Южной Франции, стремилось изменить генеральную линию французской истории, намеченную революцией 1789—1799 гг., и сформировать антиреспубликанскую «альтернативную политическую культуру», перенимавшую черты нацистской Германии ³. Историк Р. Франк справедливо подчеркивал «структурный характер» между внешне- и внутривластными целями вишистского руководства. Желая остаться в стороне от прямого участия в войне после июня 1940 г., «деятели Виши преследовали две цели: под защитой подобного “странного мира” создать новый порядок внутри страны (“национальная революция”) и сохранить определенный ранг в рамках международного порядка (за счет государственного коллаборационизма)» ⁴.

Цель данной статьи — выявить основные резоны, стоявшие за внешнеполитическими и дипломатическими шагами режима Виши в Европе, которые были предприняты в условиях нараставшей «глобализации» войны ⁵. Исследование охватывает период начиная с июня 1940 г. — поражения Франции — и до декабря 1941 г., краха германского блицкрига под Москвой и вступления во Вторую мировую войну США.

Вишистская Франция, безусловно, находившаяся в зависимости от Германии, тем не менее сохраняла некоторые атрибуты былой мощи. Она располагала четвертым по силе военно-морским флотом (после Великобритании, США и Японии), контролировала стратегически важные территории в Африке и Средиземноморье, демонстрировала способность сопротивляться на отдельных направлениях не только голлистам, но и британцам (например, в Дакарской операции в сентябре 1940 г. ⁶). К тому же вишистское руководство во главе с маршалом А.Ф. Петеном рассчитывало сохранить определенный ранг в международных отношениях, балансируя между различными державами и следуя официально курсу нейтралитета. В этом смысле изучение внешней политики Виши представляет исследовательский интерес не только в качестве примера того, как бывшая великая держава пыталась удержать ряд позиций после катастрофического поражения, но и как демонстрация банкротства былых стратегических концепций, основанных на логике нейтралитета, по мере «глобализации» Второй мировой войны.

Основой для статьи послужили практически не задействованные в отечественной историографии документы, характеризующие внешнюю политику и дипломатию Виши. Прежде всего, речь идет о томах из серии «Французские дипломатические документы», охватывающих период с июня 1940 по декабрь 1941 г. и опубликованных в 2003—2015 гг. ⁷, а также о материалах личного фонда Петена из Национального архива Франции ⁸. Немаловажным дополнением также служат: документы заседаний Кабинета министров из Национального архива Великобритании, раскрывающие ряд аспектов англо-вишистских отношений ⁹; хорошо известная серия документов по внешней политике

США, выполняющая аналогичную функцию применительно к взаимодействию Виши и Вашингтона ¹⁰; многотомное издание по внешней политике нацистской Германии ¹¹. Основанная на ряде новых документов, данная статья призвана выявить ключевые линии европейской дипломатии Виши в период наибольшей активности властей данного режима на международной арене. Также автор стремился продемонстрировать взаимосвязь между различными направлениями внешнеполитической активности Виши.

Если говорить об изучении истории Виши в целом, то анализу внешней политики и дипломатии этого режима в зарубежной (преимущественно французской, британской, американской и немецкой) историографии, как правило, уделялось мало внимания. Историки в большей степени были сосредоточены на изучении внутреннего развития Виши и его сотрудничества с нацистскими властями в социально-экономической и внутривнутриполитической сферах ¹². Данная парадигма, во многом заданная работами американского историка Р. Пэкстона, опубликованными в 1960—1970-е гг. ¹³, сохранялась и в последующие десятилетия, в том числе во французской историографии. В рамках последней история Виши в некоторой степени оставалась «белым пятном» (особенно в том, что касалось участия вишистских властей в Холокосте). Лишь с 1980-х гг. количество работ по данному периоду истории Франции стало возрастать, хотя внешнеполитические сюжеты не были самыми популярными среди историков, если исходить из совокупности исследований ¹⁴.

Среди вопросов, непосредственно связанных с проблематикой данной статьи, которые подверглись где-то более, где-то менее пристальному изучению в зарубежной историографии, можно выделить следующие: колониальная политика Виши ¹⁵; отношения Виши с Германией ¹⁶, Великобританией ¹⁷, США ¹⁸ и СССР ¹⁹; военно-морская политика вишистского руководства ²⁰. В отечественной историографии различные аспекты внешней политики Виши изучены куда меньше (за некоторым исключением вишистско-американских отношений) ²¹, а ключевыми, по сути, остаются работы советских историков И. С. Киссельгофа и В. П. Смирнова, опубликованные в 1970-е гг. ²² Социально-экономическая и внутренняя политика коллаборационистского режима подверглась в российской историографии более тщательному анализу, что отчасти роднит ее с исследованиями зарубежных коллег ²³.

Стратегическое положение вишистской Франции, сумевшей сохранить часть атрибутов бывшего военного потенциала Третьей Республики, тем не менее радикально отличалось от ситуации до июня 1940 г. Баланс сил в отношениях с Германией, «наследственным врагом» в прошлом, превратившимся в своеобразного патрона Виши в настоящем, был кардинально пересмотрен. В результате ограничения вишистской армии численностью в 100 тыс. человек, согласно Компьенскому перемирию от 22 июня 1940 г. (эти условия копировали постановления Версальского мирного договора 1919 г. относительно германской армии), режим Петена оказался фактически беззащитным перед германской сухопутной мощью. Ситуация своеобразного «заложничества» усугублялась и 20-й статьей перемирия, не позволявшей вернуться из Германии французским военнопленным (общей численностью около 1,8 млн человек) до заклю-

чения мирного договора (Берлин постоянно откладывал этот шаг и в итоге не совершил его)²⁴.

Вишистский посол в Швейцарии Р. Кулондр со смесью страха и восхищения писал в июле 1940 г. о Франции как уже о девятой стране, оккупированной Германией с 1938 года, и видел в этом «демонстрацию мощи и военного превосходства» рейха²⁵. Материальным выражением сокращения мощи Франции была не только немецкая оккупация ее северной части и северо-восточной линии побережья, но и колоссальные оккупационные платежи (около 681 млрд франков за весь период оккупации). По оценке историков-экономистов, французская экономика «стала одной из жизненно важных частей немецкой военной машины... Общий объем оккупационных платежей, полученных нацистами, ошеломляет — он возрос с 20 до 50 [французского] ВВП в период с 1940 по 1943 г.»²⁶

Фактическая потеря производственных мощностей оккупированной части Франции усугублялась продолжавшейся зависимостью от импорта, в том числе продовольствия и сырья, из колоний. Последний стал более затруднительным после введения британской блокады в июле 1940 г. «Наше намерение состоит в том, чтобы поддерживать и усиливать жесткую блокаду не только в отношении Германии, но Италии и Франции и всех иных стран, попавших под немецкое господство», — подчеркивал У. Черчилль в Палате общин в конце августа²⁷. Вместе с тем реальные британские действия в отношении вишистских кораблей были подчас более мягкими, чем те, что были обещаны в публичных декларациях.

Кардинальным образом по сравнению с прошлым возросло германское влияние на французскую дипломатию и стратегию. Оно имело не только «внешние» проявления (оккупация ключевой части Франции, фактическая аннексия Эльзаса и части Лотарингии и т.д.), но выражалось также в том, что Берлин мог влиять на действия Виши изнутри. Речь шла о фактическом ставленнике нацистских властей П. Лавале, в июле–декабре 1940 г. занимавшем пост вице-председателя Совета министров²⁸. Его возвращение на пост главы правительства в апреле 1942 г. в купе с последовавшей в ноябре того же года немецкой оккупацией всей территории Франции рассматриваются как события, после которых «внешняя политика Виши утратила последние остатки самостоятельности»²⁹.

Сокращавшееся еще до начала Второй мировой войны влияние Франции в Центральной и Восточной Европе после июня 1940 г., по сути, уходило в прошлое. Этот процесс получал зримое выражение не только в виде перекраивания Берлином политической карты этой части Европы, но и ликвидации важных сфер экономического присутствия Франции. В обзорной записке МИД Франции от 14 июля 1940 г., посвященной отношениям с различными державами, французские позиции в Румынии и Югославии описывались как достаточно слабые: румынское правительство «явно ориентировано на Германию», Белград же «будет оценивать французскую позицию достаточно сурово». Чуть позже югославские власти напрямую заявляли французскому посланнику Р. Брюжеру о том, что капитуляция Франции в июне 1940 г. «обна-

жила» Югославию перед противниками ³⁰. В июле 1940 г. немцы даже пытались согласовать от имени вишистской Франции условия торгового соглашения с Югославией, и лишь энергичные действия французского посланника не дали воплотить это решение. В сентябре того же года вишистские власти согласились уступить немцам французскую долю в румынских нефтяных месторождениях при условии, что Берлин обеспечит доступ Виши к иранской нефти. В ноябре Лаваль убедил Петена передать немцам французскую долю в важных медных шахтах близ сербского города Бор, а месяцем позже — безвозмездно выдать германским властям золото Банка Бельгии, находившееся на хранении у французских властей ³¹.

Колонии (прежде всего, в Африке) и военно-морской флот (4 линкора, 1 авианосец, 5 крейсеров, 24 эсминца, 40 подводных лодок и другие суда) были основными атрибутами мощи, сохранившимися в распоряжении вишистского руководства. Французский дипломат М. Дежан, перешедший на сторону Шарля де Голля, в феврале 1941 г. говорил британцам о них как о «двух единственных инструментах действия, оставшихся у Франции» ³². Вместе с тем ключевые внешнеполитические цели Петена и его окружения касались Европы, а не Африканского континента. Колониальные владения и флот должны были укрепить позиции Виши в неравном взаимодействии не только с нацистской Германией, но и с другими державами.

Ситуация с французским ВМФ была одним из ключевых политических и стратегических вопросов, определявших отношения Виши с Лондоном и Вашингтоном. Немецкое руководство во главе с А. Гитлером, продолжавшее относиться к Франции, «наследственному врагу», с максимальной подозрительностью, отнюдь не собиралось сохранять за ней сильный флот. Дискуссии главы вишистской военной делегации генерала Ш. Хюнтцигера и немецкого генерал-фельдмаршала В. Кейтеля относительно 8-й статьи Компьенского перемирия, посвященной судьбе ВМФ Франции, а также сама ее окончательная редакция, демонстрировали это. Берлин стремился осуществить демобилизацию и разоружение основных французских военно-морских сил под своим контролем ³³. Однако из крупных кораблей это удалось сделать лишь в отношении линкора «Клемансо», остальные были уведены или уже находились в портах, неподконтрольных немцам. Как Берлин опасался захвата или перехода французских колоний к Великобритании или к голлистам, так и немецкие власти не собирались усиливать противника за счет французских кораблей. Как говорил Гитлер на встрече с Б. Муссолини 18 июня 1940 г., «прежде всего, необходимо предотвратить вариант перехода французского флота Англии...» ³⁴

Великобританию и США, в свою очередь, пугала альтернатива в виде усиления Германии за счет вишистского флота. По словам исследователя, «и в Лондоне, и в Вашингтоне боялись потерять “французское наследство” и делали все возможное, чтобы завладеть им» ³⁵. Надежды руководства Великобритании и США на то, что французские корабли удастся передислоцировать в британские или американские порты до заключения перемирия, не реализовались. Однако дискуссии по данному вопросу продолжились. Так, 1 июля 1940 г. военно-морской министр

Виши адмирал Ф. Дарлан заверял американского посла У. Буллита в том, что французский флот будет перемещен на Мартинику, если немцы выдвинут требования, идущие вразрез с условиями перемирия. Вариант переброски ВМФ Виши на этот же французский остров в Карибском море фигурировал и в британском ультиматуме от 3 июля 1940 г. Он был предъявлен адмиралу М.Б. Жансулю, командующему французской эскадрой в алжирском порту Мерс-эль-Кебир, незадолго до британского нападения на эту эскадру (Жансуль не сообщил в Виши о данной части ультиматума) ³⁶.

Англо-американские опасения по поводу того, что произойдет с другими эскадрами вишистского ВМФ (особенно той, что дислоцировалась в Тулоне), обострялись в периоды потепления вишистско-германских отношений. В октябре 1940 г. Черчилль писал Ф. Рузвельту о «слухах из различных источников относительно того, что вишистское правительство своими кораблями и колониальными войсками собирается оказать помощь немцам против нас» ³⁷. Месяцем позже Госдепартамент всерьез рассматривал вариант покупки некоторых французских кораблей как страховку против получения их Германией ³⁸.

Надежды руководства Виши на сохранение некоего ранга в международных отношениях, прежде всего в Европе, были связаны не только с разыгрыванием «карты» колоний и французского ВМФ, но и с определенным комплексом представлений о текущем балансе сил на континенте и о развитии Второй мировой войны. Базовые стратегические допущения, развиваемые в Виши во второй половине 1940 — начале 1941 гг., отражали ставку, во-первых, на относительно быстрое завершение войны ввиду низких оценок возможностей Великобритании выстоять против Германии и, во-вторых, на создание в Европе новой конфигурации баланса сил. Точные характеристики последней оставались, однако, предметом дискуссий внутри правительства Виши ³⁹. В этом смысле внешнеполитическая концепция вишистской Франции не была чем-то неизменным, а представляла собой скорее поле битвы различных позиций и группировок, при том, что Петен нередко играл удобную ему роль арбитра.

В июне–октябре 1940 г., в период между заключением перемирия (22 июня) и встречей Петена с Гитлером в Монтуаре (24 октября), обозначившей попытку усиленного сотрудничества с Германией ⁴⁰, речь шла о сосуществовании двух основных точек зрения. Во многом они базировались на различных допущениях о ходе и результатах текущей войны. Первую из них представляли министр иностранных дел П. Бодуэн и французские дипломаты-«англофилы». Они считали необходимым сохранять а, возможно, даже развивать отношения с Великобританией, несмотря на Компьенское перемирие и Мерс-эль-Кебир. Эти отношения должны были послужить противовесом односторонней ориентации на Германию и расширить пространство для дипломатического маневра Виши. ИмPLICITно эта точка зрения исходила из возможности компромиссного окончания войны между Великобританией и Германией. Не случайно в этом смысле повышенное внимание французских дипломатов летом 1940 г. к слухам о возможном англо-германском мире ⁴¹.

Уже на следующий день после заключения Компьенского перемирия Бодуэн стремился заверить британское правительство в том,

что Франция не станет инструментом антибританских действий. Даже в условиях прекращения официальных дипломатических отношений с Великобританией вскоре после обстрела французского флота при Мерс-эль-Кебire министр иностранных дел Виши активно использовал неформальные каналы, в том числе на уровне посольств двух стран в Испании. Контакты были установлены в сентябре, и уже вскоре представители Виши и Великобритании обсуждали по этому каналу весьма острые вопросы ⁴².

В письме британскому послу в Мадриде С. Хору от 1 октября 1940 г. Бодуэн призывал Лондон ослабить блокаду Виши, считая, что своими действиями британцы лишь толкают Францию в руки к немцам. Французский министр не только заверял Хора в том, что товары и материалы, которые поступят в Виши из колоний (этому мешала британская блокада), не будут использованы Германией, но шел еще дальше. Бодуэн писал о том, что в случае захвата этих поставок немцами, французское правительство эмигрирует в Марокко и совместно с Великобританией будет вести войну против Германии ⁴³. 5 октября британцы выдвинули собственные условия. Лондон обещал облегчить меры блокады и упростить сообщение между континентальной Францией и североафриканскими колониями, если вишистское руководство выполнит три условия: не будет атаковать британские порты (в июле и сентябре 1940 г. французская авиация нанесла удары по Гибралтару в отместку за Мерс-эль-Кебир и Дакар); не передаст колонии Германии и/или Италии; сумеет контролировать целостность своего флота ⁴⁴.

В конце октября вишистский посол в Испании Р. де ля Бом заверил Хора в том, что внутри Виши существует недовольство идеями Лавала о плотном сотрудничестве с Германией. Дипломат стимулировал британцев активизировать контакты с бывшим главнокомандующим французской армией генералом М. Вейганом ⁴⁵. С этим военачальником, занимавшим в сентябре 1940 — ноябре 1941 г. пост генерального делегата Виши во Французской Африке, ассоциировались идеи о продолжении сопротивления немцам с опорой на колонии; к тому же он поддерживал тесные связи с американцами. 25 октября через Мадрид к Петену обратился даже король Великобритании Георг VI. Он призывал французского маршала воздержаться от усиления сотрудничества с Германией, апеллируя к «чести [Петена] как военного» и намекая на то, что именно в победе Великобритании в войне коренится «надежда на спасение Франции» ⁴⁶.

Вторая ключевая позиция в руководстве Виши по вопросам выстраивания внешней политики в июне—октябре 1940 г. была связана с именем Лавала. Она заключалась в том, что углубленное сотрудничество с Германией и отчасти с Италией позволит вишистской Франции добиться выгодного и «достойного» места в нацистском «новом европейском порядке». Подобный тезис, который вице-председатель Совета министров Виши всячески стремился донести до Берлина, в том числе через О. Абетца — германского посла в Париже, пользовавшегося репутацией «франкофила», — во многом строился на оценках перспектив развития войны. Лаваль был уверен в военной мощи Германии и в том, что Великобритания либо потерпит поражение, либо к власти в Лондоне придет

правительство, которое пойдет на мир с Берлином ⁴⁷. Как заявлял Лаваль одному из немецких представителей в августе 1940 г., «новый порядок [в Европе] возможен, он должен быть выстроен под германским лидерством, экономические вопросы в нем будут играть самую важную роль. Мы не выступаем против экономического проникновения Германии во Францию» ⁴⁸.

Шедшая в августе полным ходом реорганизация французской экономики на корпоративистских началах должна была облегчить франко-германские экономические контакты в рамках «нового экономического порядка в Европе», провозглашенного нацистским министром экономики В. Функом в конце июля ⁴⁹. Провишистская публицистика развивала идеи относительно «общего пула» колоний. «Разнообразные сельскохозяйственные, лесные, горнорудные богатства [колоний] можно использовать сообща в пользу единой Европы», — писал в 1941 г. профессор международного права Л. Лё Фюр, имея в виду Европу, которая будет находиться под господством Германии ⁵⁰.

Существование указанных выше точек зрения в июне–октябре 1940 г., по сути, принимало форму «двойной игры», весьма характерной для вишистской дипломатии и в дальнейшем ⁵¹. Бодуэн вел британское направление внешней политики, Лаваль — германское, при этом контакты и взаимодействие между ними оставались минимальными. Нескоординированность внешней политики была платой за попытку создать то, что Петен называл «аккуратным равновесием»: совместить встраивание в экономическую орбиту Германии с поддержанием отношений с Великобританией и США ⁵².

В условиях нейтралитета Соединенных Штатов тезис о поддержании хороших отношений с Вашингтоном вызывал меньше противоречий, чем отношения с Германией и Великобританией. Как Петен, так и Лаваль, имевший неофициальный канал связи с Белым домом ⁵³, неоднократно заявляли американским представителям о том, как важна дружба с США для Виши. Эта дружба, по оценке Петена, представляла собой «один из редких активов, оставшихся у Франции» ⁵⁴. Инструкции, составленные в конце июля Бодуэном для нового посла в Вашингтоне, были проникнуты идеей поддержания сотрудничества с американцами. Вишистский министр иностранных дел считал, что США в качестве «внешней силы» могли сыграть решающую роль в случае затягивания войны в Европе ⁵⁵. Однако попытки расшатать англо-американскую солидарность, которые Петен предпринимал в разговорах с американскими дипломатами, не были успешными ⁵⁶. МИД Виши был разочарован американской реакцией на Мерс-эль-Кебир и поддержкой Вашингтоном действий британцев ⁵⁷.

Важное место в стратегических расчетах Виши отводилось советскому фактору. 27 июня 1940 г. в пространной циркулярной телеграмме, посвященной «оправданию» перемирий, заключенных с Германией и Италией, Бодуэн, объясняя причины поражения, уделил значительное внимание отсутствию Восточного фронта, который мог оттянуть немецкие силы. Посетовав на «глубокое отставание» Франции от Германии в людях и технике, а также на слабость единственного союзника (Великобритании), Бодуэн отметил, что отсутствовала

«возможность отвлечь [немецкие силы] на восток после ликвидации Польши, после того, как балканские государства застыли в состоянии нейтралитета, а Турция уклонилась от выполнения своих обязательств...»⁵⁸ В целом, несмотря на очевидный крах довоенной системы «тыловых союзов» Франции, сама идея восточного противовеса Германии продолжала (хотя и в иных формах) учитываться вишистским руководством.

Оценки позиции СССР в июне–октябре 1940 г., которые делали в Виши, отличались двойственностью. С одной стороны, Москва рассматривалась в тот период как партнер Германии, стоящий в этом смысле по «одну сторону баррикад» с вишистской Францией. Однако, с другой стороны, и в этом отчасти проявлялась роль прежних представлений о восточном противовесе Германии, французское посольство в Москве во главе с Э. Лабонном фиксировало и другие тенденции. Лабонн, возглавлявший посольство в июне 1940 — апреле 1941 г., сообщал в Виши о различных советско-германских противоречиях. Он связывал их, прежде всего, с вопросами балканской политики, а также констатировал, что советский нейтралитет имел в первую очередь прагматический характер и не исключал потенциального конфликта с Германией в будущем. С точки зрения Лабонна, экономическое сотрудничество Москвы и Берлина не было столь уж односторонним. Оно не только приносило пользу Германии, но позволяло и СССР укрепиться за счет немецкого промышленного оборудования и военных материалов⁵⁹.

«Двойная игра» вишистской дипломатии продолжилась и после активизации политики коллаборационизма, официально зафиксированной встречей Петена и Гитлера в Монтуаре. Однако Петен достаточно быстро разочаровался в ее результатах из-за отсутствия существенных уступок со стороны немцев. Рост напряженности в отношениях с Великобританией после Дакарской операции и Монтуара, коррелировавший с попыткой вишистско-германского сближения, не отменил желания поддерживать неофициальные контакты с Лондоном. Даже отставка Бодуэна вскоре после встречи в Монтуаре, которой он был недоволен, и укрепление контроля Лавала за внешней политикой Виши не означали прекращения «двойной игры».

Петен продолжил поддерживать связь с Лондоном, отправив в Великобританию неофициальную миссию профессора Л. Ружье, который встретился в конце октября с Черчиллем и министром иностранных дел Э. Галифаксом. Хотя конкретная форма и степень обязательности того, что получил от британцев Ружье, остаются спорными (был ли это лишь отчет о переговорах или некий протокол)⁶⁰, вишистская и британская версии сходятся в главном. Предполагалось, что правительство Виши откажется от активной военной помощи немцам (не допустит перехода флота и не предоставит баз в колониях), а также не будет отвоевывать колонии, перешедшие на сторону де Голля. Лондон, в свою очередь, соглашался смягчить условия блокады, не предпринимать атак против вишистских колоний и восстановить французскую колониальную империю после войны. Обсуждалась возможность последующего вступления Франции в войну на стороне Великобритании при условии, что последняя предоставит достаточно войск.

Секретные вишистско-британские договоренности, достигнутые в декабре 1940 г. между давними знакомыми, Галифаксом и министром образования Виши Ж. Шевалье (посредниками выступили канадский посланник в Виши П. Дюпюи и испанский принц К. де Бурбон), фиксировали *modus vivendi*, согласованный ранее Ружье. О парадоксальной, на первый взгляд, активизации вишистско-британских отношений после Монтуара говорили и другие сведения. Так, в ноябре 1940 г. возобновилось негласное сотрудничество разведок Виши и Великобритании в крайне чувствительной сфере радиоразведки и криптографии. Были частично восстановлены контакты между Правительственной школой кодов и шифров (центр дешифровки), Секретной разведывательной службой с британской стороны и тайно организованной Исследовательской секцией во главе с Г. Бертраном — с французской ⁶¹.

Резоны, двигавшие Виши и Лондоном, были понятны. Своими уступками Лондон стремился ослабить связи Виши с Германией, не допустить полного разворота Петена в сторону Берлина. Вишистское руководство, со своей стороны, продолжало вести «двойную игру» и желало расширить свободу своего внешнеполитического маневра на случай различных вариантов, будь-то создание Европы под гегемонией Берлина, будь-то заключение компромиссного англо-германского мира.

Константой в конце 1940 — начале 1941 г. оставалось также стремление Виши получить преимущества от поддержания отношений с США. Вашингтон занял достаточно благоприятную для вишистов позицию по вопросам поставок некоторых продовольственных товаров. Вопреки первоначальной британской оппозиции, Рузвельт и Госдепартамент, опасаясь подтолкнуть Петена в руки немцев (в качестве проявления этого рассматривалась встреча в Монтуаре), настояли в январе 1941 г. на отправке молока и витаминных концентратов по линии Красного Креста. Политические мотивы, очевидно, соседствовали с гуманитарными, если не превалировали. Как писал позднее американский дипломат и председатель Международного Красного Креста Н. Дэвис, подобные поставки были «полезным средством для поддержания контактов с правительством Виши» ⁶².

О сохранявшемся повышенном внимании к вопросу вишистского флота, а также о стремлении Рузвельта поддерживать личный диалог с Петеном говорило назначение в декабре 1940 г. новым послом в Виши близкого к президенту адмирала У. Леги. Обмен посланиями между Петеном и Рузвельтом, состоявшийся тогда же, зафиксировал *modus vivendi* в вишистско-американских отношениях. «Глава Французского государства» обязался не допустить перехода ВМФ Виши в руки немцев, а президент США заверил, что Соединенные Штаты не будут нарушать статус-кво французских территорий в Западном полушарии (острова в Карибском море и Французская Гвиана) ⁶³.

Существование в руководстве Виши различных представлений о целях внешней политики выразилось в кадровых перестановках, содержание которых было тесно связано с текущими международными событиями. Отставка Лаваля в декабре 1940 г. во многом стала проявлением разочарования Петена в результатах Монтуара и его нежелания оказывать прямую военную помощь Германии. Этот шаг вызвал резкое

недовольство в Берлине, однако был поддержан (а отчасти срежиссирован) той частью вишистского руководства, которая выступала за нейтралитет и политику «равновесия» (министр внутренних дел М. Пейрутон; министр финансов И. Бутилье; Бодуэн, перешедший на пост государственного секретаря при председателе Совета министров). Отставка Лавала имела прямой внешнеполитический смысл. Как писал Петен Вейгану еще в начале ноября, положение страны «обязывает нас поддерживать осторожную уравновешенность между сотрудничеством с Германией (в экономическом плане оно неизбежно) и английскими и американскими демаршами» ⁶⁴.

Однако политика подобного «балансирования», олицетворяемая правительством П.-Э. Фландена (декабрь 1940 — февраль 1941 г.), на деле оказалась лишь очередным колебанием маятника вишистской дипломатии. К тому же внутри вишистского руководства сохранялась разногласия, по сути отражавшая внешнеполитическую «двойную игру». Официально назначенный преемник Петена адмирал Дарлан, занявший также посты министра обороны и иностранных дел, имел репутацию не только антибритански настроенного деятеля, но и сторонника углубленного сотрудничества с Германией. В декабре 1940 г., размышляя на страницах одной из своих записок о трех потенциальных сценариях развития войны (победа Великобритании, компромиссный мир, победа Германии), Дарлан ясно высказывался за последний. Этот вариант рассматривался им как «решение, наиболее выгодное для последующего восстановления нашей страны» ⁶⁵.

Главными проявлениями коллаборационистской политики Дарлана, сменившего Фландена на посту в феврале 1941 г., стали встречи с Гитлером в Бове (25 декабря 1940 г.) и в Берхтесгадене (11 мая 1941 г.), наметившие программу военного сотрудничества двух стран ⁶⁶. Важную роль в новой ставке Виши на коллаборационизм, помимо внутренних убеждений адмирала и подчиненного положения вишистской Франции, играла эволюция общей ситуации в войне.

Представления вишистских дипломатов о балансе сил в мире в 1941 г. на фоне военных успехов Германии менялись. В январе Леги докладывал в Вашингтон о том, что Петен и его подчиненные «настолько впечатлены неспособностью Франции [в 1940 г.] остановить германскую армию, что они не верят в победу Англии» ⁶⁷. В феврале Европейский департамент МИД Виши подчеркивал, однако, что ситуация на фронтах войны меняется. Если в июне 1940 г. Германия «казалось, находится на грани реализации своей мечты о гегемонии», то затем «равновесие было восстановлено за счет английских побед в Средиземноморье и эволюции политики Соединенных Штатов». Вишистские дипломаты стремились подчеркнуть потенциальную роль французского ВМФ и баз в Средиземноморье, преувеличенно характеризуя их как «фактор почти решающего значения». Они надеялись, что разыгрывание этой карты позволит получить уступки от Берлина ⁶⁸.

Большое впечатление на вишистских дипломатов произвел балканский блицкриг вермахта в апреле 1941 г. В своих донесениях посланник в Белграде Р. Могра описывал произошедшее со смесью страха и восхищения, очевидно, держа в уме недавнее поражение самой Франции.

Бомбардировки Белграда с воздуха, как докладывал дипломат, оказали «практически незамедлительный эффект». Они нарушили систему связи югославского Генштаба, сделали невозможной координацию действий югославских сил, столкнувшихся с «наступлением противника ошеломляющей скорости» на трех направлениях (Белград, Скопье и Ниш). Как итог, «везде немцы опережали югославов, оказывавшихся в замешательстве из-за резких наступательных действий, потрясенных, как и в случае других стран, эффективными и устрашающими действиями танков и авиации»⁶⁹.

Германия усилила свое присутствие в Северной Африке, куда на помощь итальянцам весной 1941 г. был отправлен корпус под командованием Э. Роммеля. В апреле прогерманский государственный переворот произошел в Ираке, что стимулировало Виши 28 мая пойти на подписание Парижских протоколов с Германией. Согласно этим договоренностям, в пользование немцам были предоставлены французские базы и инфраструктура в Сирии, Тунисе и Сенегале, а Берлин пошел на некоторые уступки в отношении Виши (расширение вишистских сил в Африке). Однако в итоге протоколы не были ратифицированы Виши и вскоре потеряли силу⁷⁰. В дальнейшем Берлин рассматривал потенциальное участие вишистской армии в Североафриканской кампании «Оси», наряду с поставками товаров и сырья из Франции в качестве главного французского «вклада» в войну⁷¹.

Все же дипломатия Виши не оставляла попыток маневрировать между различными державами, надеясь не потерять остатки самостоятельности. Этой тенденции отвечали различные донесения с мест, которые не рисовали картины триумфального и необоримого продвижения вермахта. В апреле 1941 г. Де ля Бом, переместившийся в качестве посла из Испании в Швейцарию, сообщал о возможных скорых демаршах Берлина в пользу заключения мира с Великобританией. Возможный британский отказ, как полагал дипломат, мог дорого стоить Виши: немцы попытаются глубже проникнуть в Африку, что поставит вишистское руководство перед неприятной дилеммой. Но даже англо-германский мир стал бы лишь передышкой перед «решительными действиями против Америки» и «реализацией великой мечты о мировой германской гегемонии». Источники вишистского дипломата, намекая на скорые германские военные действия против СССР, осторожно сообщали о возможном перенапряжении сил нацистской Германии⁷². Даже 26 июня, в условиях отступления Красной армии, полной уверенности в немецком триумфе не было. А. Берар, французский дипломатический представитель при немецкой комиссии по перемирию в Висбадене, намекал тогда в донесении для своего руководства на то, что сценарий «блицкрига» с трудом реализуем в СССР. Он отмечал наличие обширных территорий, позволявших Красной армии отступать на восток и избежать быстрого уничтожения вермахтом⁷³.

Вишистские дипломаты в странах Среднего Востока, констатируя рост германского влияния весной–летом 1941 г., отмечали тем не менее успехи советско-британской коалиции (ввод войск в Иран в августе–сентябре). Они признавали достаточно слаженное взаимодействие Москвы и Лондона, хотя и прогнозировали последующее осложнение их отно-

шений после завершения войны⁷⁴. В условиях замедления блицкрига осенью—зимой 1941 г. вишистская дипломатия смотрела на перспективы вермахта в СССР с нарастающим скепсисом. В записке посольства Виши в Турции, составленной 3 декабря, за два дня до начала контрнаступления Красной армии под Москвой, было отмечено: «После шести месяцев ожесточенной войны, в которую было вовлечено беспрецедентное в истории количество войск, у немцев нет никакого шанса разбить русских»⁷⁵.

Однако в центре, судя по действиям Петена, смотрели на ситуацию иначе и решили сделать новый заход на усиленное сближение с Берлином. Встреча Петена с Г. Герингом на вокзале Сен-Флорентен в Верджиньи, состоявшаяся 1 декабря, должна была убедить нацистские власти в том, что вишистская Франция станет ценным партнером Германии. «В одиночку Вы можете победить в войне, но Вы не можете в одиночку установить мир. Вы не можете установить мир без Франции», — заявил тогда Петен⁷⁶.

Однако встреча прошла по сценарию Монтуара: высокие ожидания главы Виши в преддверии беседы сменились разочарованием по ее итогам. В памятной записке, составленной для Петена перед визитом Геринга, сотрудничество с Германией характеризовалось как «великая задача». Были перечислены дружественные Берлину шаги Виши (от столкновений на море с британцами до промышленных поставок для рейха), подчеркнута стратегическая роль Африки. Вместе с тем в этом же документе содержались очевидные намеки на взаимность. В «Европе, руководимой Германией», вишистская Франция претендовала на достойное место и просила о ряде уступок (от ликвидации демаркационной линии до облегчения экономических поборов)⁷⁷. Геринг, ознакомившийся со списком французских требований во время встречи, спросил Петена: «В конечном счете, господин маршал, кто победитель: мы или Вы?»⁷⁸

Углубление коллаборационистских настроений Виши на протяжении 1941 г. отражало не только видение ситуации на фронтах, но и более долгосрочную тенденцию. Хотя даже во внутренних документах МИД коллаборационизм объяснялся, прежде всего, «желанием облегчить строгие условия перемирия»⁷⁹, некоторые вишистские деятели думали о большем и стремились встроить вишистскую Францию в нацистский «новый порядок». Важные кадровые перестановки в руководстве Виши — введение в правительство в июне 1941 г. убежденного коллаборациониста Ж. Бенуа-Мешена, выступавшего за создание антибольшевистского «европейского порядка», и отставка Вейгана в ноябре — отражали ключевые внешнеполитические тенденции⁸⁰.

С точки зрения Дарлана и вишистского МИД, в будущей Европе во главе с Третьим рейхом Франция должна была занять достойное место⁸¹. Однако к концу 1941 г. надежды вишистского руководства на то, что подобная концепция коллаборационизма будет воплощена в реальность, становились все более призрачными. МИД и вишистские представители при Висбаденской комиссии констатировали увеличение запросов Германии по поставкам стратегического сырья (в том числе алюминия и бокситов), а также растущие аппетиты немецкого бизнеса и властей в Центральной и Восточной Европе. Те стремились установить контроль не только за французскими активами в иностранных фирмах, но

и за французскими предприятиями и даже информационным агентством «Гавас»⁸².

Усиление коллаборационизма в европейской политике Виши на протяжении 1941 г. коррелировало с выраженным ростом напряженности в отношениях с Лондоном и менее очевидными, но все же присутствовавшими трениями во взаимодействии с Вашингтоном. В результате усиления британских мер морской блокады росли потери французского торгового флота: по заявлению Дарлана от 31 мая речь шла о 167 кораблях общим водоизмещением 790 тыс. тонн⁸³. Имели место даже прямые вооруженные столкновения. В качестве примеров подобных инцидентов можно назвать обстрел легкого крейсера «Шеффилд» и миноносца «Форрестер» французской артиллерийской батареей близ алжирского порта Немур (24 марта), а также налеты британской авиации на порт Сфакс в Тунисе (26 и 29 марта) после информации о его использовании итальянцами. Взятие британцами и голлистами Сирии и Ливана в июне–июле 1941 г. усугубило ситуацию, демонстрируя очевидный отказ от согласованного ранее с Лондоном *modus vivendi*, и окончательно похоронило Парижские протоколы⁸⁴.

Активизация коллаборационистских тенденций и проектов Виши сказалась и на американском векторе вишистской дипломатии. Вашингтон был несколько разочарован тем, что предыдущий расчет не принес ожидаемых результатов. Белый дом и Госдепартамент исходили из того, что некоторые уступки в отношении Виши позволят не допустить выраженного прогерманского крена этого государства и укрепят позиции Петена. Последний рассматривался Рузвельтом как единственный человек в Виши, который «твердо стоит против того, чтобы продаться Германии»⁸⁵. Все же заключенные еще в феврале 1941 г. «соглашения Вейган–Мерфи», обеспечивавшие американское снабжение для французской Северной Африки, демонстрировали, что Вашингтон не отказывался от прежних идей полностью. Тот факт, что Парижские протоколы не были введены в действие, рассматривался как успех американцев⁸⁶.

Характеризуя политику Вашингтона в войне как полную противоречий⁸⁷, вишистский МИД и сам не занимал однозначную позицию. В мае 1941 г. дипломаты Виши с некоторой тревогой сообщали из США о росте военного производства и объемов американской помощи британцам, а также об усилении антигерманских тенденций Вашингтона. С их точки зрения, там нарастало стремление исходить из логики: «Кто не с нами — тот против нас»⁸⁸. В апреле 1941 г. в разговорах с немецкими представителями Дарлан описывал политику «дяди Сэма» как достаточно циничное стремление манипулировать действиями Виши⁸⁹.

Вместе с тем сохранявшиеся изоляционистские настроения, как считалось, должны были все-таки удержать США от вступления в войну. Само же правительство Виши, как рекомендовал посол Г. Анри-Э, должно было максимально жестко реагировать на попытки ограничить французский суверенитет в отношении Мартиники и других владений в Карибском море, о которых задумывались в Вашингтоне в мае 1941 г. Подобная слабость, считал дипломат, могла усилить интервенционистскую группу в администрации Рузвельта⁹⁰. Полноценный разрыв с США

и переход на усиленное военное (а не только экономическое) «сотрудничество» Виши с Германией рассматривались генералом П. Дуайеном, французским военным представителем в Висбаденской комиссии, как нежелательное погружение в «пучину войны»⁹¹. Осенью 1941 г. в МИД Виши все были уверены, что сам Вашингтон на разрыв отношений не пойдет⁹².

Даже вступление США в войну в декабре, усилив напряженность в отношениях Вашингтона и Виши, сохранило ситуацию двойственности. С помощью Леги и личных посланий Рузвельт не оставлял надежд донести до Петена мысль о необходимости сделать выбор между подлинным нейтралитетом и латентным союзничеством с Германией. Дарлан, в свою очередь, критиковал Вашингтон за позицию, которую США занимали по различным вопросам двустороннего взаимодействия: захват в декабре 1941 г. французского лайнера «Нормандия», стоявшего в Нью-Йорке с 1939 г.; отсутствие поддержки в отношении вишистской политики в Индокитае и т.д.⁹³ Еще раньше, в начале июля, после того как были разорваны дипломатические отношения Виши с Москвой, американцы отклонили запрос Анри-Э о представлении вишистских интересов в СССР⁹⁴. Вместе с тем осуждение Госдепартаментом голлистского переворота на островах Сен-Пьер и Микелон (24—25 декабря) вызвало одобрение Виши. Р. Ристельхюбер, посланник в Оттаве, старался заверить свое правительство, что ни США, ни Великобритания, ни Канада не имели к перевороту никакого отношения⁹⁵.

Советская политика Виши в 1941 г., ввиду нападения Германии на СССР, подверглась более выраженному пересмотру, чем действия на американском направлении. Уже с начала года, а затем особенно активно с марта в Виши поступали разведданные, свидетельствовавшие о возможной подготовке Германией нападения на Советский Союз⁹⁶. В начале мая французский военный атташе в Румынии подполковник Буто де Лавиллеон констатировал сосредоточение серьезной группировки немецких войск (численность от 15 до 20 дивизий) на востоке Румынии. Он полагал, что при наращивании сил подобными темпами Германия сможет «в определенный срок (самое раннее — 15 мая) начать, если она того пожелает, военные действия против России». Окончательной уверенности, однако, не было. Речь могла идти, согласно донесению, и о стремлении подкрепить силой дипломатическое давление на Москву; не исключалось начало военных действий вермахтом против Турции⁹⁷. 25 мая посол Г. Бержери докладывал из Москвы о том, что «завоевание или установление контроля над новыми пространствами снова является для рейха вопросом жизни и смерти». С его точки зрения, нацистская Германия могла двинуться в поисках ресурсов и сырья либо на Восток (против СССР), либо на Юг (в Африку)⁹⁸.

Подобные опасения не означали, что взаимодействие Москвы и Виши, продолжавших оставаться партнерами Берлина, было приостановлено — напротив, в первой половине 1941 г. оно развивалось весьма активно. Повышение статуса советского представителя при Виши А.Е. Богомолова до ранга посла в марте произошло практически одновременно с дипломатической рокировкой в Москве: в апреле Лабонна сменил Бержери. По оценке французского историка Ж.-А. Суту, «вместо установления нового

равновесия сил перед лицом Германии путем достижения согласия между Англией, Францией и СССР новый [французский] посол собирался отстаивать совершенно иную идею — интегрировать Францию и СССР в новый европейский порядок, где руководящая роль Берлина не будет оспариваться, но где обе страны будут опираться друг на друга, чтобы не оказаться в маргинальном положении»⁹⁹.

Идеи специфически понятого «европейского равновесия» продолжали оказывать влияние на вишистских дипломатов. В апреле 1941 г. Политическое управление МИД Виши призывало подумать о потенциальных выгодах в будущем от политики сближения с «единственной великой европейской державой, которая до сих пор остается вне конфликта», то есть с Советским Союзом¹⁰⁰. Однако на фоне нарастания советско-германской напряженности в мае Богомолов давал понять вишистским дипломатам, что СССР не собирался встраиваться в «новый порядок». В рамках этого «порядка», по словам советского посла, «все народы за исключением немцев будут сведены до работы на земле или в шахтах, а немцы зарезервируют за собой роль промышленников-гегемонов»¹⁰¹.

Нападение Германии на СССР резко изменило позицию Виши. Петен и его окружение решили использовать появление нового врага для очередного сближения с Германией с целью получить уступки от рейха. «Большевизм — самая серьезная опасность для Европы», — записал Петен 22 июня, исходя из перспективы «германской Европы», объединенной антисоветской позицией¹⁰². Однако даже после разрыва дипломатических отношений с Москвой (30 июня) некоторые отголоски прежних подходов и нежелание полностью сжигать мосты сохранялись. Власти Виши не объявили войну СССР, а помощник Дуайена подполковник Лорбер в записке от 29 июня характеризовал втягивание в «германо-англо-русскую войну» как «самую большую опасность»¹⁰³. Главные импульсы к наиболее выраженным антисоветским действиям, например формированию «легиона французских добровольцев», исходили не от правительства Петена, а от самых пронацистски настроенных французских деятелей, находившихся в оккупированной части Франции (Ж. Дорио, М. Деа и других)¹⁰⁴. Подробный отчет МИД Виши о выезде советской дипломатической миссии из Франции также отражал желание не портить отношения окончательно, которое было заметно и со стороны Богомолова¹⁰⁵.

Рассмотрев основные направления европейской политики Виши в июне 1940 — декабре 1941 г., можно констатировать, что в условиях нараставшей «глобализации» войны вишистская дипломатия все более очевидным образом теряла почву под ногами. Ее базовые допущения о компромиссном мире, о поддержании равновесия между различными группировками и о нейтралитете, попытки выполнить посреднические функции — все это становилось анахронизмом. Безусловно, над всей внешней политикой Виши нависала тень «величайшего поражения, которое Франция терпела на протяжении веков»¹⁰⁶. Речь шла как об объективных последствиях (резкое сокращение мощи, изменение баланса сил в отношениях с Германией и другими державами), так и о субъективном выборе в пользу коллаборационизма и построения авторитарно-фашистской модели внутри «усеченного» Французского государства.

Вместе с тем руководство режима Виши не оставляло попыток вернуть часть прежних внешнеполитических позиций. Вишистские дипломаты, несмотря на постепенное формирование двух противоборствующих лагерей, продолжали рассматривать международную ситуацию через призму многополярности и возможности компромиссного мира. Политика коллаборационизма соседствовала с идеей поддержания «равновесия», будь то за счет неофициального взаимодействия с Великобританией и США или за счет сотрудничества с СССР, в чем проявлялось влияние былых концепций «восточного противовеса» Германии.

Петен продолжал исходить из того, что после войны вишистская Франция вернет себе статус мощной державы и избежит серьезных территориальных потерь. Вариант строительства прогерманской Европы, объединенной антибольшевизмом, который казался вполне возможным после июня 1941 г., также рассматривался как приемлемый. Как заявил Петен в обращении от 12 августа, Германия занята выполнением «гигантских задач на Востоке, где разворачивается борьба в защиту цивилизации, способная изменить весь мир»¹⁰⁷. К декабрю 1941 г., в условиях ожесточенного сопротивления Красной армии и контрнаступления под Москвой, в условиях очевидного затягивания войны и вступления в нее США, стратегемы внешней политики Виши превратились в анахронизм, в иллюзии периода «нейтралитета». На деле режим Виши все больше зависел от Третьего рейха и усиливал политику коллаборационизма.

Примечания

1. SHENNAN A. The Fall of France 1940. London. 2017.
2. ОБИЧКИНА Е. О. Внешняя политика Франции от де Голля до Саркози (1940—2012). М. 2012, с. 3.
3. РУССО А. «Национальная революция» режима Виши. — Французский ежегодник. М. 2003, с. 196.
4. FRANK R. Juin 1940: la défaite de la France ou le sens de Vichy — 1937—1947: la guerre-monde. T. 1. Paris. 2015, p. 239.
5. МАГАДЕЕВ И. Э. От европейской к мировой: динамика «тотализации» и «глобализации» войны в сентябре 1939 г. — декабре 1941 г. — Вестник Московского университета. Сер. 25. 2019, т. 11, № 1, с. 70—107.
6. MARDER A. Operation “Menace”: The Dakar Expedition and the Dudley North Affair. London. 1976.
7. Documents diplomatiques français (DDF) 1939—1944. Vol. 3. Les armistices de juin 1940. Bruxelles. 2003; DDF 1939—1944. Vol. 4. Pt. 2. 11 juillet-31 décembre 1940. Bruxelles. 2009; DDF 1939—1944. Vol. 5. Vichy (1 janvier-31 décembre 1941). Bruxelles. 2015.
8. Archives Nationales de la France (AN), Papiers Pétain, 415 Archives Privées (AP) 4.
9. The National Archives of Great Britain (TNA), Cabinet Office (CAB) 65/9.
10. Foreign Relations of the United States (FRUS). 1940. Vol. 2. Washington. 1957; FRUS. 1941. Vol. 2. Washington. 1959.
11. Documents on German Foreign Policy, 1918—1945 (DGFP). Ser. D. Vol. 12. The War Years, February 1, 1940 — June 22, 1941. Washington. 1962.
12. JACKSON J. France: The Dark Years, 1940—1944. Oxford. 2003, p. 1—20.
13. PAXTON R. Parades and Politics at Vichy. Princeton. 1966; IDEM. Vichy France: Old Guard and New Order, 1940—1944. N.Y. 1972.

14. ROUSSO H. *Le Syndrome de Vichy: 1944—198...* Paris. 1987; ROUSSO H., CONAN É. *Vichy, un passé qui ne passe pas*. Paris. 1994; *La France des années noires*. Vol. 1. De la défaite à Vichy. Paris. 2000.
15. *L'empire colonial sous Vichy*. Paris. 2004; THOMAS M. *The French Empire at War, 1940—1945*. Manchester. 2007.
16. JÄCKEL E. *La France dans l'Europe de Hitler*. Paris. 1968; DUROSELLE J.-B. *L'Abîme, 1939—1945*. Paris. 1982.
17. THOMAS R.T. *Britain and Vichy: The Dilemma of Anglo-French Relations, 1940—42*. London. 1979; GAUNSON A.B. *The Anglo-French Clash in Lebanon and Syria, 1940—1945*. N.Y. 1987.
18. HURSTFIELD J.G. *America and the French Nation, 1939—1945*. Chapel Hill. 1986; LITSKY E.B. *The Murphy-Weygand Agreement: The United States and French North Africa (1940—1942)*. Ph.D. Dissertation. N.Y. 1986.
19. LÉVÊQUE F. Des diplomates dans l'impasse: les relations franco-soviétiques de septembre 1939 à juin 1941. — *Guerres mondiales et conflits contemporains*. 1993, № 172, p. 111—123; СУТУ Ж.-А. Виши и место СССР в европейской системе. — *СССР и Франция в годы Второй мировой войны*. М. 2006, с. 77—105.
20. MASSON Ph. *La Marine française et la guerre, 1939—1945*. Paris. 1991; THOMAS M. *After Mers-el-Kébir: The Armed Neutrality of the Vichy French Navy, 1940—43*. — *English Historical Review*. 1997. Vol. 112, № 447, p. 643—670.
21. СЕВОСТЬЯНОВ Г.Н., УТКИН А.И. *США и Франция в годы войны, 1939—1945. Из истории взаимоотношений*. М. 1974.
22. СМЕРНОВ В.П. *Движение Сопротивления во Франции в годы Второй мировой войны*. М. 1974; КИСЕЛЬГОФ И.С. *История Франции в годы Второй мировой войны*. М. 1975; НАРИНСКИЙ М.М. *Режим Виши в советских источниках и историографии*. — *Новая и новейшая история*. 1991. № 6, с. 223—230.
23. МИХЕЕВ К.Г. *Социально-экономическая политика правительства Виши во Франции: 1940—1944*. Дисс. ... канд. ист. наук. М. 2005.
24. Текст перемирия см.: DDF 1939—1944. Vol. 3, p. 123—130. Оценка численности французских военнопленных см.: OVERMANS R. *German Policy on Prisoners of War, 1939 to 1945*. — *Germany and the Second World War*. Vol. 9. Pt. 2. Oxford. 2014, p. 765.
25. *Coulondre à Badouin, 23 juillet 1940*. — DDF 1939—1944. Vol. 4. Pt. 2, p. 110.
26. OCCHINO F., OOSTERLINCK K., WHITE E.N. *How Occupied France Financed Its Own Exploitation in World War II*. — *The American Economic Review*. 2007. Vol. 97. № 2, p. 295.
27. *House of Commons, 20 August 1940*. — *Hansard. Parliamentary Debates*. Vol. 36. Col. 1161.
28. Председателем официально был «глава Французского государства» Петен, но фактически текущей работой правительства руководил вице-председатель, в связи с чем главами правительства Виши в литературе нередко называют деятелей, занимавших данный пост.
29. СУТУ Ж.-А. *Ук. соч.*, с. 103.
30. *Note du Département, 14 juillet 1940; Brugère à Baudouin, 30 juillet 1940*. — DDF 1939—1944. Vol. 4. Pt. 2, p. 38—39, 155.
31. HYTIER A.D. *Two Years of French Foreign Policy: Vichy 1940—1942*. Paris. 1958, p. 169—170.
32. THOMAS M. *After Mers-el-Kébir*, p. 654.
33. *Réunion plénière à Rethondes, 22 juin 1940*. — DDF 1939—1944. Vol. 3, p. 105.
34. AUSTIN D. «Double jeu»: *The Foreign Relations of Vichy France with Germany and Great Britain, June 1940 to February 1941*. M.A. Dissertation. Missoula. 1971, p. 10.
35. БОРИСОВ Ю.В. *Де Голль и США: 40—60-е годы XX века*. — *Новая и новейшая история*. 2008, № 1, с. 30.
36. FERRO M. *Pétain*. Paris. 1987, p. 159.
37. *Churchill & Roosevelt. The Complete Correspondence*. Vol. 1. Princeton. 1984, p. 75.
38. KOBURGER Ch.W. *Franco-American Naval Relations, 1940—1945*. N.Y. 1994, p. 41.
39. PAXTON R.O. *La collaboration d'État*. — *La France des années noires*. Vol. 1, p. 343.
40. FERRO M. *Op. cit.*, p. 187—191.
41. *Note de Nac, 16 juillet 1940*. — DDF 1939—1944. Vol. 4. Pt. 2, p. 51—52.
42. *W[ar Cabinet]M[inutes] (40) 239, 2 September 1940*. — TNA, CAB65/9, fol. 4.

43. SCHMITT G. Les accords secrets franco-britanniques de novembre-décembre 1940. Paris. 1957, p. 39.
44. COURTEAUX O. Canada between Vichy and Free France, 1940—1945. Toronto. 2013, p. 51.
45. WM (40) 276, 24 October 1940. — TNA, CAB65/9, fol. 162.
46. WM (40) 277, 25 October 1940. — TNA, CAB65/9, fol. 170.
47. Murphy to Hull, 29 July 1940. — FRUS. 1940. Vol. 2, p. 380.
48. IMLAY T., HORN M. The Politics of Industrial Collaboration during World War II: Ford France, Vichy and Nazi Germany. Cambridge. 2014, p. 68.
49. BRUNET L.-A. Forging Europe: Industrial Organisation in France, 1940—1952. Basingstoke. 2017, p. 19—52.
50. NORDBLAD J. The Un-European Idea: Vichy and Eurafrica in the Historiography of Europeanism. — The European Legacy. 2014. Vol. 19. № 6, p. 718.
51. FRANK R. Vichy et les Britanniques: Double jeu ou double langage? — Vichy et les Français. Paris. 1992, p. 144—163.
52. SCHMITT G. Op. cit., p. 80.
53. Его зять, находившийся в США, Рене де Шамбрэн, был сыном урожденной Клары Лонгворт. Брат последней был женат на Алисе Рузвельт — кузине Элеоноры Рузвельт, супруги президента США.
54. LITSKY E.B. Op. cit., p. 45—46.
55. Ibid., p. 10—11.
56. Murphy to Hull, 7 August 1940. — FRUS. 1940. Vol. 2, p. 380.
57. Note du Département, 14 juillet 1940. — DDF 1939—1944. Vol. 4. Pt. 2, p. 39.
58. DDF 1939—1944. Vol. 3, p. 183.
59. Labonne à Flandin, 7 janvier 1941; 10 janvier 1941. — DDF 1939—1944. Vol. 5, p. 14—15, 30—32.
60. ROUGIER R. Mission secrète à Londres. Les accords Pétain-Churchill. Geneva. 1946. Критический взгляд на версию Ружье см.: SCHMITT G. Op. cit.
61. THOMAS M. France in British Signals Intelligence, 1939—1945. — French History. 2000. Vol. 14. № 1, p. 57—58.
62. Davies to Winant, 24 September 1941. — FRUS. 1941. Vol. 2, p. 192.
63. CONN S., FAIRCHILD B. The Western Hemisphere: The Framework of Hemispheric Defense. Washington. 1960, p. 87.
64. КИСЦЕЛЬГОФ И. С. Ук. соч., с. 71.
65. Lettres et notes de l'amiral Darlan. Paris. 1992, p. 265.
66. FERRO M. Op. cit., p. 307—313.
67. Leahy to Roosevelt, 25 January 1941. — FRUS. 1941. Vol. 2, p. 105.
68. Note de la Sous-Direction d'Europe, 4 février 1941. — DDF 1939—1944. Vol. 5, p. 159.
69. Maugras à Darlan, 15 mai 1941. — Ibid., p. 460—464.
70. La Délégation française auprès de la Commission allemande d'Armistice. Recueil de documents publié par le Gouvernement français. T. 4. Paris. 1957, p. 472—480.
71. Rapports franco-allemandes, 16 janvier 1942. — AN, 415 AP 4.
72. La Baume à Darlan, 7 avril 1941. — DDF 1939—1944. Vol. 5, p. 343—344.
73. Bérard à Darlan, 26 juin 1941. — Ibid., p. 565—566.
74. Note de la Sous-Direction d'Asie, 9 octobre 1941. — Ibid., p. 851—854.
75. DDF 1939—1944. Vol. 5, p. 1016.
76. Entrerien de Saint-Florentin-Vergigny, Compte-rendu, 1 décembre 1941. — Ibid., p. 1002.
77. Aide-mémoire du Pétain pour son entrevue avec Goering à Saint-Florentin, 1 décembre 1941. — AN, 415 AP 4.
78. DDF 1939—1944. Vol. 5, p. 1002.
79. Note du Département, 21 mai 1941. — DDF 1939—1944. Vol. 5, p. 480.
80. СУТУ Ж.-А. Ук. соч., с. 91.
81. Darlan à tous les postes diplomatiques français, 19 mai 1941. — DDF 1939—1944. Vol. 5, p. 469—472.
82. Note de la Délégation française pour les Affaires économiques, 17 mars 1941; Note du Département, 3 juillet 1941. — DDF 1939—1944. Vol. 5, p. 287—290, 597—601.
83. SAUVY A. La vie économique des Français de 1939 à 1945. Paris. 1978, p. 77.
84. КИСЦЕЛЬГОФ И. С. Ук. соч., с. 104.

85. Письмо Рузвельта к Леги от 16 ноября 1940 г. THOMAS R. T. Op. cit., p. 92.
86. BUCHANAN A. *American Grand Strategy in the Mediterranean during World War II*. Cambridge. 2014, p. 27.
87. Note du Département, 1 décembre 1941 — DDF 1939—1944. Vol. 5, p. 1004.
88. Henry-Haye à Darlan, 19 mai 1941; Laforcade à Darlan, 20 mai 1941 — Ibid., p. 476—478.
89. Schwarzmunn to Ribbentrop, 23 April 1941. — DGFP. Ser. D. Vol. 12, p. 627.
90. Henry-Haye à Darlan, 20 mai 1941. — DDF 1939—1944. Vol. 5, p. 479—480.
91. PAXTON R. O. *Parades and Politics at Vichy*, p. 239—240.
92. Note de Schweizer-Fourni, 10 septembre 1941. — DDF 1939—1944. Vol. 5, p. 761.
93. Cabinet civil de Pétain, *Rapports franco-américaines*, 12 février 1942. — AN, 415 AP 4.
94. Henry-Haye à Darlan, 1 juillet 1941. — DDF 1939—1944. Vol. 5, p. 582.
95. Ristelhueber à Darlan, 25 décembre 1941. — Ibid., p. 1063—1064.
96. См., например, различные донесения посольства из Берна в марте-июне 1941 г.: DDF 1939—1944. Vol. 5, p. 290—291, 378, 447, 559.
97. Boutaud de Lavilléon à 2ème Bureau, 3 mai 1941. — Service historique de la défense. Département de l'armée de terre, GR3P 106.
98. DDF 1939—1944. Vol. 5, p. 499.
99. СУТУ Ж.-А. Ук. соч., с. 86.
100. LÉVÊQUE F. Op. cit., p. 118.
101. Ibid., p. 121.
102. СУТУ Ж.-А. Ук. соч., с. 92.
103. PAXTON R. O. *Parades and Politics at Vichy*, p. 240.
104. VERSHININ A. Français à recherche d'eux-mêmes: «la légion des volontaires français contre le bolchevisme» au front de l'Est (1941—1944). — *Guerres mondiales et conflits contemporains*. 2019, vol. 3, № 275, p. 55—67.
105. Note du Département, 21 août 1941. — DDF 1939—1944. Vol. 5, p. 708—713.
106. ALBJERG V. L., ALBJERG M. H. *Europe from 1914 to the Present*. N.Y. 1951, p. 652.
107. СУТУ Ж.-А. Ук. соч., с. 100.